

[00:00:00] [Начало записи.]

Руслан Гринберг: Дорогие друзья, мы начинаем нашу конференцию под очень скромным названием «Выборы прошли: что делать с экономикой?». У нас Московский экономический форум, и поэтому, так или иначе, каждое второе заседание, каждая вторая конференция посвящена все-таки экономическим проблемам.

Вы, наверное, были на первом пленарном заседании, видели, что положение дел у нас, как говорят в народе, хорошее, но не безнадежное, и в контексте этой мысли великой мы сегодня проведем обсуждение очень важной проблемы. Мы же ведь живем от выборов до выборов, и поскольку мы живем от выборов до выборов, то мы, конечно же, все время чего-то ждем хорошего. И, конечно же, возникают разные вопросы.

Сейчас все ломают голову над тем, кто будет командовать экономикой страны. У меня есть ответ на этот вопрос, и, наверное, почти все согласятся со мной, но все-таки должен быть и премьер-министр, и Правительство тоже. Мы не знаем, кто будет, но мы знаем, что есть проблемы, которые должны быть решены каким-то образом.

У нашего правящего дома есть, в моем представлении, убежденность в том, что рост экономики остального мира, несмотря на то, что у нас есть конфронтации с ним – это залог нашего успеха тоже, потому что если весь мир развивается 3-4-5%, а некоторые и 6-7%, то, стало быть, наши сырьевые ресурсы нужны, а раз нужны наши сырьевые ресурсы, то не надо особенно дёргаться и рисковать, разными мегапроектами заниматься. Бочка нефти будет стоять достаточно высоко или даже еще выше, поскольку экономический рост. Все заботятся об экономическом росте каким-то образом, он будет продолжаться, и, стало быть, у нас будет более-менее стабильно тоже, по крайней мере не хуже, чем сейчас.

Мы друг друга пугаем все время, что будет скоро конец света. Я помню, сам ошибался раз 15, когда говорил, что до полного исчерпания советского научно-технического потенциала осталось пять лет, потом опять говорил 5 лет, потом говорил 7 лет, потом 10. А потом, смотришь, уже не говорю, и ничего страшного. Поэтому мы все здесь, ребята, оптимисты, несмотря на то, что мы рассказываем только про плохие вещи, потому что про хорошие вещи рассказывать неинтересно.

Итак, выборы прошли: что делать с экономикой? Я специально пригласил очень компетентных, без всякой иронии, специалистов. Они известные люди. Они пишут про это, думают про это. Но я их попросил об одном. Может быть, это была наглая просьба, но они ее приняли. Я сказал, что у нас очень много есть экономистов, которые объясняют, почему что-то происходит, или кто виноват, или что. А поскольку времени у нас мало, они все очень талантливые люди, все хотят что-то сказать, у них тем более есть еще и флешки, есть презентации. Я сказал, что не больше трех слайдов. Поставил вопрос простой: «Не надо ставить диагнозы. Вопрос простой: что делать? И всё. Что делать в краткосрочном плане, в среднесрочном и в долгосрочном?».

Реплика: А «кто виноват»?

Руслан Гринберг: Вопрос «Кто виноват?» мы не ставим, поскольку у нас ответа на него нет. Я считаю, что все виноваты, а значит никто, поэтому здесь только что делать.

Сергей Калашников, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по экономической политике, человек известный, всегда пользовался и пользуется большим авторитетом. И я очень люблю к нему прислушиваться.

Сергей, дорогой, начните, пожалуйста, наши дебаты.

[00:07:23]

Сергей Калашников: Уважаемые коллеги, я бы хотел затронуть только один вопрос, а именно взгляд в будущее, потому что вопрос «Что делать?» непосредственно связан с тем, как мы отвечаем на вопрос, что мы хотим достигнуть в результате наших действий. И сегодня на нашем форуме, и вообще во всем пространстве научно-практическом экономическом разлита идея стратегического планирования. Но почему-то никто не говорит, а что конкретно мы хотим получить в результате тех перемен, которые мы так жаждем, и в частности какие цели и задачи мы должны заложить в стратегическое планирование.

У меня складывается большое впечатление, что мы за этой говорильней о том, что нужно менять, забыли, какие у нас основные цели. По крайней мере я не знаю, кто бы об этом говорил. Из целей вытекают задачи, а из задач уже и методы реализации, достижения поставленных целей.

Позволю себе предложить вам следующую картину. Я думаю, что все слова, которые говорят об экономическом развитии – это пустой звон, потому что экономическое развитие требует детализации и четких дефиниций. Что это такое? Если это ВВП, ВВП не так уж много десятилетий, всего лишь полсотни лет этому показателю, и он не является всеобъемлющим.

Если это доходы населения или благосостояния людей, это тоже хорошая цифра, но она абсолютно ничего не говорит именно об экономическом развитии страны в целом. Я могу продолжать этот перечень. Вы здесь все специалисты, прекрасно понимаете, что универсальных всеобъемлющих экономических индикаторов просто-напросто не существует, все они более-менее фрагментарны.

Тогда возникает вопрос: к чему мы стремимся? Наверное, мы стремимся к тому, к чему никогда на территории Российской Федерации ни одно государство не стремилось – к тому, чтобы наши люди были счастливыми, а уже понятие счастья начинает детализироваться. В частности, сюда начинают входить качество жизни, удовлетворение определенного набора потребностей, включая духовные, и так далее, и так далее. То есть, наверное, главная цель экономики – это не показатель благосостояния (тоже очень сложный показатель), а именно удовлетворенность людей своей жизнью. Но тогда возникают и соответствующие задачи, которые заключаются в том, что необходимо обеспечить и уровень доходов, и качество потребления, включая качество потребления продуктов питания, определенное территориальное и социальное равенство, непреходящий элемент ощущения человека, что он занимает достойное место. Я уж не

говорю о продолжительности жизни, образовании и так далее, хотя здравоохранение – это цель.

Отсюда у нас возникает целый ряд конкретных проблем по решению этих задач, без которых мы не можем сформулировать определенные способы.

Какие же это проблемы? Прежде всего, это проблема равенства. Дело в том, что если задавать себе вопрос, то мы должны ответить, может ли государство обеспечить принцип равенства для всех. Я не имею в виду равенство возможностей. Это со времен Французской революции провозглашенный принцип, который худо-бедно реализуется всеми. Я не говорю о равенстве условий. Это тоже уже начиная с XIX века достаточно развитая социал-демократическая парадигма. Я говорю о реальном равенстве.

Напомню пресловутого Аристотеля: равенства не существует. Существует только равенство перед богом, и все. А кто в бога не верит, что ему делать?

Коллеги, это та проблема, без которой мы не можем решить весь комплекс экономических проблем. Почему? Потому что возникает проблема равенства социальных гарантий, которые государство дает каждому человеку. Оказывается, из-за нашего географического положения, образовательного, экономического различия между людьми мы не можем обеспечить ни равные условия, ни равные возможности для каждого человека. И тут возникает вопрос: если мы в принципе не можем обеспечить равенство, как же нам решать проблему единых социальных стандартов, единой удовлетворенности человека своей жизнью, и прочим-прочим? И возникает проблема, которая неминуемо встанет перед нашей страной, в общем, встанет перед всем миром – это проблема стратификации нашего общества. Я не хочу сказать, что эти страты будут антагонистическими, а-ля классовая борьба. Я хочу сказать, что идет расслоение общества, и с четвертой научно-технической вот революцией эта стратификация будет только увеличиваться. Что же мы порождаем противоречия в обществе, конфликты и прочее? Наверное, нет. И я здесь впервые хочу произнести ту фразу, которую уже давно вынашиваю – необходима управляемая стратификация общества.

Что такое управляемая стратификация? Приведу маленький пример. До нас здесь обсуждали вопрос, как нам хорошо будет жить вместе с Китаем в обнимку. Дай бог, чтобы сбылись эти идеи. Коллеги, к 2025 году Китай заменяет 25 млн рабочих мест на роботов. У нас тоже провозглашены определенные параметры, в том числе и в послании Президента, что мы минимум 10 млн рабочих мест должны примерно к 2025 году – цифра конкретная не названа – просто заменить. Я задаю вопрос: какие профессии будут замещены? Будут замещены профессии – 10 млн – самые неквалифицированные: охранники, разгадывающие ребусы, шахтеры, водители и прочие-прочие. Скажите, пожалуйста, способна ли эта категория людей переобучиться в программистов, в ученых, и прочее, высокоинтеллектуального труда, который требует шестой уклад? Ответ однозначный – нет. Это те люди, которые создадут определенную социальную нагрузку на все наше общество, и, в общем-то, породят огромное количество конфликтов. Вопрос: что с ними делать? Ответ у меня по крайней мере таков.

Я неоднократно в своих книгах писал, что Советский Союз был государством счастливой нищеты. Что такое управляемая стратификация? Это означает, что в соответствии с определенным непреодолимым комплексом потребностей людей, которые, к сожалению, нельзя развить через образование или какие-то другие формы, необходимо дать... Все, что мы должны сейчас делать, будет зависеть от того, какие задачи мы поставили, и отсюда будут следовать конкретные шаги. Спасибо.

Руслан Гринберг: Спасибо большое. Мы еще обсудим все эти тезисы. Меня, например, это очень кольнуло, выражение «управляемая стратификация». Кто будет управлять? Это дело такое. Я бы, например, хотел быть управляющим, а не управляемым. А вдруг не получится? Так что здесь дело-то такое.

Слово я хочу предоставить председателю совета директоров «ИК Еврофинансы» ИМЭМО Якову Миркину.

Яков Моисеевич Миркин – известный российский экономист, финансист.

Яков Миркин: Если о будущем, то, наверное, четыре сценария. Первый сценарий с вероятностью в 10-15% – это закрытая экономика, административная экономика. Сегодня роль государства 70% в банках и в реальном секторе.

[00:17:29]

Соответственно, экономика с долей государства 80-85% – это уже нечто другое.

Второе, с вероятностью 35-45% – это то, что мы сегодня имеем, то есть полузакрытая, замороженная, стагнационная экономика, очень волатильная, зависящая от внешних факторов.

Третий сценарий – это Франко, конец 1950-х — начало 1960-х годов, попытка сделать экономическое чудо, это первое экономическое чудо в Испании, инфраструктура, частичная экономическая либерализация.

И четвертый сценарий, самый невероятный – 5-10% – это поворот, неожиданный поворот: чудо сверхбыстрого роста, экономическая либерализация, короче говоря, все то, что мы пытались сделать в команде Бориса Титова, разработать альтернативную экономическую стратегию, альтернативную той стратегии, которую по-другому чем стратегией торможения, и которая нас 20-25 лет ведет к различным ужасам российской экономики... выработать что-то новое. Точно, именно это.

Вот четыре сценария.

А вот цель. Вместо политики дележки сжимающегося пирога политика роста, модернизации, а самое главное, качества, продолжительности жизни, потому что продолжительность жизни 72,6 лет в этом году – это ничто иное, как 96-е место в мире. Огромная международная практика, все технические инструменты известны. Не должно быть непопулярных реформ, потому что каждая реформа должна вести к качеству жизни. Все хорошо известно.

Государство развития, Центральный банк развития, Министерство финансов развития, когда макроэкономический инженер создает конструкцию, где каждый экономический

инструмент подчинен одной цели – рост, модернизация, качество и продолжительность жизни.

В чем смысл? В первую очередь это экономическая либерализация, высвобождение бизнеса, дать ему возможность расти. И далее на втором этапе, когда экономика переходит в рост, возникает возможность сделать те структурные реформы, которые сегодня невозможны. Речь идет о собственности, о ее защите, о независимых судах, о монополизации, о разгосударствлении и так далее.

Короче говоря, вот этого тяжелого эфанта, нашу экономику, которая еле растет, которую пытаются растолкать в разные стороны, нажаты все тормоза, все против роста, попытаться отправить ее в движение, и в ходе движения уже решить те структурные проблемы, которые сегодня являются нерешаемыми. Осторожно, постепенно, в каждом инструменте. Потому что если экономический инструмент, отдельный стимул применять изолированно, эффект может быть самый неприятный.

Обычный пример, который в этом случае приводят – это расширение доступа к кредиту с немедленным выходом денег, рублей на рынок капитала, в валюту, и вывоз из страны.

Понятно, что мы не можем уже прибегать к амбулаторному вмешательству, это скорее хирургическое вмешательство государства – так было во всех случаях сверхбыстрого экономического роста, – когда система сложного экономического операционного вмешательства, как бы сначала подналаживают, а потом отпускают в свободное правило.

Примеров сколько угодно: европейская экономика, азиатские экономики. Соответственно, во всех случаях должно быть авторство экономического чуда, и всегда есть вопрос: а кто будет автором российского экономического чуда, будет ли оно вообще, и будет ли этот автор? Возможно, в мае мы это увидим.

А вот формула экономики роста. Не мы придумали, очень обычная, не менее 15 экономик прошли эту дорожку. Во-первых, точки роста – то, что мы называем промышленной политикой или аграрной политикой. Всегда администрация развития с отдельными полномочиями, потому что министерства и ведомства, правительство в целом работает по принципу экономики по поручениям. Очень заняты текущей деятельностью. Макроэкономическое программирование. И далее все стимулы в рост, с тем, чтобы сделать из асфальтовой среды для бизнеса, прежде всего, для малого и среднего бизнеса, для бизнеса в регионах, сделать среду животворящей. Это очень осторожно. Постепенный рост доступности кредита, снижение ссудного процента, очень осторожное количественное смягчение.

Вообще хочу сказать, что наша финансовая система в 2-3 раза меньше тех потребностей, которые имеет реальная экономика. Например, Россия занимает 8-12 место по разным измерителям ВВП, 1,8% глобального валового внутреннего продукта, а финансовая система никогда не занимала больше чем 0,5-0,6% глобальных финансовых активов.

Курс рубля, который стимулирует рост, подавление немонетарной инфляции, что мы успешно продемонстрировали в 2017 году, очень сильный налоговый стимул, очень простые и легкие, за рост и модернизацию, при снижении налогового бремени, потому

что при объеме налогов 36-37-38% к валовому внутреннему продукту российская экономика... России не будет. 32-33% – это пожалуйста. Во всех случаях сверхбыстрого роста должно быть именно такое налоговое бремя. Плюс ускоренная амортизация, плюс разумная таможенная политика, которая затаскивает производства внутрь России.

Очень жесткое сокращение регулятивного бремени. Потому что, например, Уголовный кодекс и КоАП с момента их принятия выросли в три раза. Если вы возьмете статистику роста числа нормативных актов, правил и прочих, это все рост по экспоненте. Как следствие того, что у бизнеса снижаются риски, снижается налоговое бремя, все содействует росту.

Конечно, норма накопления, потому что сегодня 21-22-23% инвестиций к валовому внутреннему продукту – не будет экономика расти. Конечно, мы можем мечтать о 46% норм накопления в Китае, у нас этой нормы не будет, но хотя бы 28-29-30% инвестиций к валовому продукту и другие нормы роста.

По мере того, как переходит экономика в рост, в движение, создание более рыночной среды для концентрации, разгосударствления, потому что при 70% доли государства все это не сделать, а 20-25% доли малого бизнеса в ВВП – это просто очень стыдно. Соответственно, максимум льгот для малого и среднего бизнеса, максимум год для прямых иностранных инвестиций, потому что инвестор при виде экономики, рынка, который растет со скоростью 5-6%, не может остановиться. Несмотря ни на какие конфликты, он обязательно войдет внутрь. И все это рассчитано на длинное расстояние, на рост возможностей, прежде всего, множественно, населения. Потому что сырье производит 10-15 млн человек, в России живет 148 млн человек. 130 млн людей нужно чем-то заниматься по способностям, по потребностям, и не только регулировать и охранять.

Это KPI экономики роста. Они существенно отличаются от тех значений, которые существуют сегодня. Основная идея, что если вы собираетесь ползти, то вы бережете, резервируете. Но если вы собираетесь бежать и двигаться, то ваш весь организм – неважно, ваш или экономический – должен быть настроен именно на быстрое движение. И, прежде всего, речь идет о настройке экономическими стимулами.

Безусловно, это перезагрузка отношений с разными странами, замораживание региональных конфликтов. Пример – Китай, у которого много региональных конфликтов, но они заморожены просто потому что эта экономика растет очень быстро.

Отдельная тема – это как вырастить большую финансовую машину, которая была бы адекватна машине экономической, и которая бы нас во многом избавила от очень жесткой зависимости от внешних инвесторов, когда если вы возьмете динамику курса российского рубля и бразильского риала, то, что бы ни случилось в России или Бразилии, они совершенно параллельны, там коэффициент корреляции 0,9. И во всем этом основная идея – рост продолжительности жизни, выравнивание условий для жизни по территории России, потому что, например, в Республике Тыва мужчины живут 58 лет, а мужчины и женщины живут 64 года, как в африканских странах. И экономическая либерализация на старте, и затем решение структурных проблем, и затем, конечно же, мы

понимаем, может последовать и политическая либерализация, и как бы за этим изменение нашей модели коллективного поведения, потому что мы живем в стране, в которой народ влюблен в государство, потому что примерно 85% населения по всем вопросам хотели бы, чтобы государство было больше в любом его качестве.

Таковы основные идеи альтернативной экономической стратегии, которая два года уже разрабатывается как альтернатива кудринской, в рамках того, что называется программой Титова, экономика роста, которая является, с нашей точки зрения, системным лечением, потому что ни один из этих инструментов нельзя применять изолированно.

Макроэкономический инженер в каждой из этих точек – снижение налогов, получение доступа к кредитам – придумает десятки инструментов, собственно они уже и есть, технических инструментов, как это сделать, как довести, предположим, кредит в регионы до малого и среднего бизнеса, сохраняя при этом рыночность. Благодарю за внимание.

[00:28:11]

Руслан Гринберг: Должен сказать, что программа Титова, мне лично кажется, что она более-менее сбалансированная. Другое дело, что там перемешаны в моем представлении чисто институциональные аспекты, то есть слабости, которые у нас есть. Например, гарантии частной собственности. И одновременно послабления налоговые. Мне кажется, это очень разнокачественные вещи. Если у нас социально-культурные особенности такие, что нет независимого суда и независимого правоприменения, то это вообще задача не на один день. Это задача, наверное, поколенческая, поколенческий характер носит. И я не очень понимаю, что здесь можно предпринять. Мое общение с бизнесом и малым, и средним говорит о том, что они просто боятся что-нибудь делать на долгую перспективу, и все. Причем даже боятся те, у которых в данный момент очень хорошая крыша, поскольку они знают, что она тоже ненадежна, и с этим что-то надо делать. Понятно, что мы все живем сегодняшним днем, и это рациональное поведение. Но если вы живете сегодняшним днем, то вы не можете думать о развитии. Хочу подчеркнуть, что мы находимся в отчаянном положении. Такого не было никогда, что весь мир развивается быстрее нас либо в два, либо в три, либо в четыре раза. Весь причем. И это скандал. Причем это выход из стагнации или рецессии, которую мы сами устроили. Владимир Путин сам это признал. А когда вы признаетесь в том, что мы сами устроили этот кризис, и за этим не следует никаких объяснений – а что такое? Тогда не было ни Крыма, ни Донбасса, ни санкций, ничего, а с 2013 года все закончилось. Поэтому я вас призываю к моему первому вопросу, это очень важно – как ускорить рост экономики. Сейчас, а не тогда, когда будет обеспечена гарантия частной собственности.

Мне хочет возразить товарищ Миркин.

Яков Миркин: Не возразить, а, наверное, разъяснить. На самом деле, это не спутывание, а это сознательное решение, потому что мы понимаем, что мы можем еще действительно поколение ожидать, и, может быть, не дожидаться решения вопросов защиты частной собственности, или с независимыми судами, или с борьбой с коррупцией. Можем не дожидаться, потому что базовый тренд – это огосударствление. В 70-75-85%.

Идея очень простая. Эти вещи невозможно сделать сегодня. И кто их должен делать? Не экономисты. Суды, юристы.

Руслан Гринберг: А нам все равно кто. Была бы страна родная.

Яков Миркин: Да. Если мы признаем первенство этих структурных вопросов, то, в общем-то, макроэкономисту или финансисту делать нечего. Нам бессмысленно здесь собираться. Мы должны просто ждать, когда кто-то за нас...

Идея очень простая. Эти проблемы гораздо легче решать в движении, на ходу, когда экономика быстро растет в динамике.

Руслан Гринберг: Кто или что приведет ее в движение?

Яков Миркин: Кто. Мы предложили сумму технических инструментов, которые неподвижную машину приведут в движение. То, что называется рост, модернизация, повышение качества жизни. Вероятность 5-10%, это абсолютно идеалистическая конструкция. Вероятность очень невелика.

Руслан Гринберг: В чем она идеалистическая? Нам практическая нужна.

Яков Миркин: Потому что остальные сценарии – это либо выход в административную экономику, либо в тупике.

Руслан Гринберг: Негусто.

Яков Миркин: Поэтому очень важно было обществу предложить альтернативную политику для того, чтобы она могла обсуждаться, влиять и так далее.

Руслан Гринберг: Спасибо. А здесь какой-нибудь умник скажет обязательно: «Надо, чтобы общество было уже». А так, предлагать приходится одному человеку, который должен поменять что-то.

Я прочитал в газете, когда были выборы, он говорит: «Если Владимир Путин победит на выборах, как же он будет исправлять ошибки предшественника?». Это к слову.

Дело в том, что Игорь Николаев, мой хороший друг и замечательный российский экономист, я жду от него, как говорил один лидер, какой-нибудь конкретики, что сейчас делать. У меня есть свой план, и я его скрываю просто. Что надо конкретно делать, чтобы здесь и сейчас начался экономический рост, и кто источник, что источник? Потому что про деньги говорят – денег сколько хочет, но денег никто не хочет брать. Если только им скажешь, что не отдавать, тогда возьмут. А если нужно отдавать, то честному человеку тяжело их брать, потому что непонятно, что с ними делать.

[00:34:40]

Игорь Николаев: Руслан Семенович строго сказал: вот три слайда. Я вынужден придерживаться этого, хотя предшествующие докладчики погрешили в этом случае. Но в трех слайдах можно весьма условно ответить на такой простой вопрос, как ускорить экономический рост. Но требование было у Руслана Семеновича, это святое для докладчика. В трех слайдах, я не виноват, что называется. И несмотря на то, что призывы только говорить то, что делать, я вынужден просто сделать такой вводный.

2015-2016 год – это что было? Многие понадеялись, и появилась такая иллюзия, что кризис прошел, и с 2017 года у нас устойчивый экономический рост начался 1,5% в 2017 году. Я придерживаюсь другой точки зрения. Думаю, я не один в этом смысле. Если мы исходим из того, что это был структурный кризис, отягощенный внешними негативными шоками в виде падения цен на нефть и санкциями, то ничего не закончилось, конечно, мы вынуждены будем признать, что 2017 год – это отскок, коррекционный рост, не более того, потому что все структурные проблемы, из-за которых мы начиная с 2012 года – можно спорить, плюс-минус сколько месяцев – входили в этот кризис, они остались. У нас что, пресловутая сырьевая направленность экономики как-то изменилась? Нет. У нас доля малого бизнеса с 20% до 40% выросла в структуре экономики, как мы мечтаем? Нет. У нас диспропорции пенсионной системы, которые нарастали все годы, все остались. И это естественно. Ведь в чем сложность ситуации? Эти структурные диспропорции зреют годами, и быстро их исправить очень трудно. Есть определенная технологичность. А тут еще внешние негативные шоки. Поэтому был отскок.

И оставшихся двух слайдов не хватит, чтобы сказать, что сделать, но, тем не менее, определимся хотя бы с одним из ключевых направлений.

Яков Моисеевич Миркин о нем сказал. Я считаю, что это ключевое направление – это налоги, налоговая нагрузка.

Не стоит пытаться изобретать что-то экзотическое. К вопросу «Что делать?», что не делать – это тоже важно. В этом смысле я вспоминаю, как в поздние советские времена, да и не в такие поздние, все казалось многим, а сколько диссертаций было защищено на эту тему, что если мы придумаем плановый показатель «чистая», «нормативно чистая продукция», «товарная», а начинали вообще с «валовой», то все проблемы будут решены. Казалось, что-то такое ухватить, и все. Здесь такого нет. К сожалению, надо заниматься очень многим. И у Якова Моисеевича Миркина многие направления были названы. Я же говорю, что ключевое направление – это налоги.

Мы проводили и проводим фактически каждый год замеры, с РСПП работаем, что у нас с налоговой нагрузкой. Могу ответственно заявить, выражаясь казенным языком, что налоговая нагрузка растет. Мы помним все обещания не повышать налоговую нагрузку, но, к сожалению, термин «налоговая нагрузка» зачастую ассоциируется со ставками основных налогов. А это не одно и то же. Налоговая нагрузка – показатель относительный, сколько вы платите к тому, с чего платите. Налоговая нагрузка растет. Надо снижать налоговую нагрузку.

Росстат проводит регулярно опросы бизнеса, какие проблемы сдерживают его в инвестиционной активности больше всего. В последние годы всегда два фактора на первом месте (всего их там девять) – неопределенность экономической ситуации и высокая налоговая нагрузка. Как снижать, об этом нужно спорить, но главное все-таки снижать и перебороть этот тренд, потому что в условиях стагнирующего или отстающего развития... Я предлагаю термин «отстающее развитие». Руслан Семенович говорит, что мы с каждым годом отстаем все больше. И мы сами это видим. Наша доля в мировом ВВП снижается, и сейчас она меньше, чем в 2000 году, если по паритету покупательной

способности считать. Она росла до 2008 года, а сейчас эти 3,2% – это меньше, чем в 2000 году. В таких условиях отстающего развития налоги надо снижать. Это будет сложно, когда такие и обязательства, и фактически мы влезли в гонку вооружений. Но тогда чудес не бывает. Ничего экзотического, чтобы, оп, и экономический рост, не пройдет. Не бывает чудес в экономике, к сожалению.

Реплика: Бывает, бывает.

Игорь Николаев: Ну, хорошо, будем оставлять. Иногда случаются.

Руслан Гринберг: Экономическое чудо японское.

Игорь Николаев: Я не соглашусь с тем, что это чудеса. Это не чудеса, а это умная работа, стратегически выверенная.

[00:40:59]

Что надо делать с точки зрения снижения налогов? Много в мировой практике есть примеров, как это действовало. Можно привести в пример ту же Ирландию, сравнить середину 1980-х годов прошлого года, когда были резко снижены налоги с середины 1990-х годов, и рост экономики ускорился с 2% с небольшим до практически 9%. В других странах это было.

Какие детали? В качестве примера. Я считаю, что ставку налога на прибыль мы можем снизить. У нас есть неплохой пример. В кризис 2008-2009 годов ставка налога на прибыль была снижена с 24% до 20%, и это была одна из немногих очень хороших мер, которая имела очень важное значение.

Восстановите льготу по налогу на движимое имущество. Не буду все перечислять, ведь это детали, конкретные вещи. Но это то, что можно было бы сделать уже сейчас.

Кстати, не повышать НДС. Тоже мы должны помнить о мотивации. А у нас сейчас, как говорят, практически решение готово – с 13% до 15-16%. Обсуждают это. Речь идет не только о корпоративном налогообложении, но и...

Руслан Гринберг: А вице-премьер говорит: «Какая разница – 13% или 15%?». Получается, что миллион рублей в день, это действительно незаметно будет.

Игорь Николаев: Иногда просто удивляешься. «Лучше бы не говорил», – хочется сказать. Но говорит.

У меня остался третий слайд, короткий, но важный.

Можно делать много правильных вещей сейчас, абсолютно правильных. Это будут необходимые меры. Но зачастую необходимые меры становятся достаточными при определенных условиях. И сейчас такое условие тоже есть. Не надо тешить себя иллюзиями, что в условиях санкционного противостояния можно добиться этих самых опережающих темпов роста экономики. И здесь я говорю как экономист. Я понимаю, это сразу провоцирует вопросы по политике. Нет, экономисты должны сказать. А то у нас готовятся программы, а об этом стыдливо никто не говорит. В лучшем случае кто-то

скажет: «Ну, может быть, геополитическую напряженность снизить». Не будет таких чудес.

Опять чудеса. Китай тут тоже тогда не подходит как пример. Поэтому есть условие – это прекращение санкционного противостояния. Тогда эти самые необходимые меры смогут принести тот результат, о котором мы мечтаем – ускорение экономического роста.

Руслан Гринберг: Иногда со стороны виднее. Мой хороший друг и председатель совета Высшей школы социальных наук Жак Сапир, мы давно знакомы, и он давно занимается русской экономикой. Со стороны бывает виднее, со стороны бывает не виднее. Мы лично больше имеем страданий из-за того, что слушали со стороны, причем слушали тех людей, которые жили в тех странах, которые делали совсем не то, что сами говорят. Но для нас было важно слушать и следовать именно тому, что говорят, а не то, что они сами у себя делают, что вдвойне было контрпродуктивно.

[00:45:24]

Жак, вы готовы рассказать о слабых местах российской экономики и, возможно, что с ними делать? И может быть, также «кто во всем этом виноват».

Жак Сапир: Да, я понял. Прошу прощения, что говорю на английском языке, но боюсь, что мой русский вы не поймете. Проблема роста включает в себя как проблему краткосрочного роста в ближайшие два-три года, так и проблему обеспечения стабильного долгосрочного роста. И здесь я хотел бы отметить, что, конечно же, в прошлом долгосрочному росту мешало множество структурных проблем, но сейчас я стал придавать гораздо меньше значения таким структурным проблемам, как коррупция. Конечно же, коррупция – это плохо, как с моральной, так и с социальной точек зрения. Но вспомните, какой была ситуация в японской или корейской экономике в 50-е, 60-е, 70-е и даже 80-е годы. В обеих этих экономиках процветала коррупция. Но при этом они достигли очень высоких темпов роста и практически сравнялись с западными экономиками, и произошло это за очень краткий срок – около 15 лет в Японии и около 25 в Корее, где изначально уровень был более низким.

Итак, начнем с первой проблемы – проблемы обеспечения краткосрочного роста. Он необходим, если Россия хочет постепенно изменить свою экономическую модель. Но достигаться этот краткосрочный рост должен при помощи иных инструментов, чем долгосрочный. Если вкратце, то краткосрочный рост, прежде всего, связан с кредитно-денежной политикой. Существующая сейчас в России кредитно-денежная политика не позволяет увеличить темп роста более, чем на 2%. Уровень процентных ставок и, что еще более важно, уровень фактических процентных ставок – конечно же, в сопоставлении с инфляцией – делает достижение намеченного правительством темпа роста в 4% невозможным, причем я считаю, что даже этот темп недостаточен для развития в следующие два-три года. Но с нынешней процентной ставкой и кредитно-денежной политикой не удастся достигнуть даже его. Поэтому необходимо преобразование кредитно-денежной политики, и это определенно проблема правительства.

Второе. Необходимо принять намного более агрессивную бюджетную и фискальную политику, в центре внимания которой должны оказаться виды деятельности, генерирующие внешние эффекты. Сюда относятся транспорт, образование и научные исследования, здравоохранение, жилищное строительство – в общем все жизнеобеспечивающие инфраструктуры. Как мы знаем и видим на примере многих стран, именно они генерируют огромное количество внешних эффектов, которые в значительной мере и обеспечивают рост.

Однако кратковременный рост – не главная цель. Главная цель – это достижение стабильного долгосрочного роста. Даже если России удастся в следующие три года увеличить темп роста до 4%, 3.5% или 4.5% , это время, эти два или три года, необходимо использовать для коренного преобразования экономической модели. Важно понимать, что, чтобы сделать это, конечно же, необходимо развивать и внедрять новые технологии, но для развития России также важны и некоторые старые отрасли промышленности. Но и эти отрасли необходимо изменить с помощью внедрения новых технологий.

Очень важным здесь является количество и качество инвестиций. Обращаясь к этой проблеме, мы сперва обращаемся к банковскому сектору. Однако известно, что сейчас банковский сектор вносит очень малый вклад в инвестиционный процесс. Гораздо большую роль играют инвестиции предприятий в самих себя, а также займы одного предприятия другому или же сделанные в рамках холдинга переводы и субсидии. Это очень сложная ситуация, поскольку, конечно же, также существует и общая проблема преобразования сбережений – будь то сбережения населения или же предприятия – во вклады. Справиться со всем этим сможет только очень эффективная банковская система. Соответственно, проблема в том, как сделать российскую банковскую систему более эффективной.

Это одна из проблем, которыми надо заняться в период краткосрочного роста. Вторая проблема...

Руслан Гринберг: Ваше время подходит к концу.

Жак Сапир: ...это, конечно же, достижение равновесия между предложением и спросом на новые высокотехнологические товары, поскольку как бы не был развит инновационный процесс в обществе и экономике, если на новые передовые товары нет спроса, вам не удастся развивать новые виды деятельности или новые отрасли. Именно поэтому старые экономические отрасли и виды деятельности, по-прежнему, остаются важны.

А теперь я расскажу о трех отраслях или секторах, которых я считаю важнейшими для обеспечения стабильного роста российской экономики. Прежде всего, необходимо достичь гораздо большего процента переработки сырья, производящегося в России. Конечно же, этот процесс уже начался. Химическая промышленность быстро развивается. Но этот процесс необходимо поощрять и развивать и далее. Конечно же, процесс переработки сырья очень важен для России. Сегодня утром господин Глазьев уже говорил о невидимых [00:54:33] переводах из российской экономики в глобальную, мировую экономику, а именно в западные экономики, связанных с тем, что Россия не производит

достаточное количество готовой продукции и в основном продает сырье, а потом покупает готовую продукцию, в явном или неявном виде изготовленную из этого сырья. Поэтому чрезвычайно важно достичь большего процента переработки.

Вторая проблема, конечно же, заключается в том, чтобы разработать более эффективные процессы в добывающей промышленности. В некоторой степени это именно та отрасль, в которой можно использовать новые высокотехнологические товары. Я хотел бы поговорить о морской...

Руслан Гринберг: Позвольте напомнить вам, что ваше время...

Жак Сапир: ...морской добыче нефти. В будущем она будет осуществляться при помощи роботов. Французская компания Total уже использует полностью независимых роботов для морской добычи нефти на глубине 2000 метров. Так что это та область, в которой обычно используются новые передовые технологии.

И третье – это, конечно же, развитие новых секторов. Эти секторы могут варьироваться от искусственного интеллекта и компьютерных технологий до биоинструментов, новых видов биотоплива и даже биоматериалов. Именно в этих областях возникает множество новых компаний.

То есть, в конечном итоге, важно понимать, что для того, чтобы к 2025 или 2020 Россия достигла быстрого и стабильного роста, необходимо, прежде всего, кардинально преобразовать финансовую и банковскую системы, достичь равновесия между крупными предприятиями и новыми развивающимися предприятиями, а также равновесия – но не полной замены – между уже сложившимися традиционными видами деятельности и новой инновационной деятельностью. Но самое сложное – это достичь **(нрзб. – 00:57:49)** между старыми и новыми видами деятельности и разработать механизм обратной связи в процессе формирования спроса на новые передовые товары, который должен осуществляться в основном на основе старых видов деятельности. Спасибо.

[00:58:12]

Руслан Гринберг: Жак Сапир поставил очень важные вопросы, но это большой каталог рекомендаций, которые, конечно же, выглядят более-менее нормальными. Это проблема очень долгого горизонта.

Мне кажется, мы должны как-то более конкретно говорить, поскольку действительно время не ждет, оно не на нашей стороне.

Институт экономики тоже включается в битву стратегий. Это слово уже смысл потеряло, что это такое вообще. Но мы пытаемся как-то определить конкретику в том плане, что хотим в Институте экономики сразу убить двух зайцев. Первое – мы хотим послать обществу такой сигнал, что у нас в стране есть три более-менее хороших потенциала, на уровне мировых стандартов. Первый – природный потенциал. Он используется на 100%. Плоды этого использования скандально неприлично распределяются. Но общество терпит. Дитя не плачет, мать не понимает.

[01:00:00]

Руслан Гринберг: Второй потенциал – интеллектуальный потенциал. Несмотря на большие претензии к советской власти, с ее жуткими преступлениями, она все-таки создала много хороших брендов. И один из них это, конечно, образование и наука. И в этой связи мы имеем хороший еще пока, но это как бы свет потухшей звезды, но она все-таки горит. Я имею в виду высокоинтеллектуальных молодых людей. Двадцать-тридцать вузов их рождает, и это тоже используется.

Другое дело, что там тоже приходит в запустение этот потенциал. Люди моего возраста уже, моложе там уже мало кто есть. Денег нет. Тем не менее, молодые люди рождаются, они умные, образованные. Но, к сожалению, у них на родине замечательной работы нет, адекватной. Поэтому они углубляют разрыв между Западом и Россией. И ничего им за это не скажешь. Но он работает тоже.

А третий потенциал, о котором я хочу сказать, прежде чем предоставить слово моему коллеге, бывшему заместителю министра экономики Российской Федерации Ивану Валентиновичу Старикову, это потенциал пространственный, который абсолютно не используется, и это большая трагедия даже для страны, поскольку обезлюживание территории продолжается быстрыми темпами. Жизнь только в городах-миллионниках. И если вы знаете, есть спор такой, что делать с людьми, которые еще там остались. Либо переселять в города-миллионники, что вызывает такие тоже ужасающие последствия урбанизации. Либо там что делать, на что нет средств.

Короче говоря, мы за пространственное развитие. А почему двух зайцев? Это высокоскоростные железные дороги, просто автомобильные дороги, вообще, мега-проекты, которые стягивают территорию, скученно. То есть борьба с разрозненностью территорий. Она, действительно, скандально разрозненная. Рядом страна есть под названием Япония, где на один квадратный километр проживает 335 человек. А в России где-то человек семь. И более того, они, эти семь человек, настолько разбросаны, что они вообще не участвуют ни в каких хозяйственных связях, не говоря уже о рыночных.

Когда были не рыночные связи, о них заботились как-то, потому что была установка о том, чтобы заботиться, благосостояние для всех. Сейчас о них не заботятся. Время от времени вспоминают и говорят: чего с ними делать? Мы считаем, что связанность территорий, артерии автомобильные, высокоскоростные железнодорожные, это будет какой-то выход стягивания территории, рынок труда становится более-менее однородным, и люди могут перемещаться как-то, менять работу. Сейчас это невозможно. Самолеты должны летать между городками маленькими, а не через Москву, как это сегодня происходит. Короче говоря, вот такая у нас задумка.

Итак, Иван Валентинович Стариков, прошу любить и жаловать.

Иван Стариков: Добрый вечер, уважаемые коллеги. С особым чувством поднимаюсь на эту трибуну. Действительно, шесть лет назад в Институте экономики под руководством Руслана Семёновича Гринберга здесь, на площадке Московского экономического форума мы презентовали этот проект, которому сегодня дали условное название «Транссиб 2.0». Сергей Вячеславович присутствует здесь, и буквально в прошлый четверг в Совете

Федерации прошел круглый стол, где Министерство экономики докладывало подготовку к стратегии пространственного развития.

Сразу хочу сказать, что Палата регионов и сенаторы, и присутствующие эксперты, в общем, представители моего бывшего ведомства – Минэкономки, напоролась, как на оглоблю, на экспертов и на уважаемых сенаторов. Особенно Вячеслав Анатольевич Штыров громил эту стратегию. Тем не менее, прежде чем оттолкнуться, что пришел перечень поручений президента во исполнение послания. Не знаю насчет закрытой части, но в открытой части ничего про танки, пушки, самолеты и гиперзвук нет. И это воодушевило, поскольку я лично убежден, что одна гонка вооружений похоронила Советский Союз. А вторая поставит точку в истории России.

[01:05:07]

Вместе с тем, нам необходимо выходить, как сегодня уже сказал Руслан Семёнович, из нарастающего геополитического одиночества России. У нас, действительно, есть уникальное положение между Восточной Азией и Европой. Россия расположилась 17,5 млн квадратных километров и девятью часовыми поясами между рынком с населением 4 млрд потребителей, 60% населения земного шара. Это наш монополюный, но крайне плохо использованный ресурс.

До оглашения послания 1 марта на Инвестфоруме в Сочи, Дмитрий Анатольевич Медведев пришел на круглый стол, где обсуждалась инфраструктурная ипотека, инфраструктурные облигации и сказал: все знают, как я люблю гаджеты. Все знают, как хорошо позвонить отсюда во Владивосток или в Хабаровск. Но цифровая экономика не отменяет реальной. Не отменяет наше пространство. Без инфраструктуры, без железных дорог и аэропортов наше пространство начнет деградировать, жизнь людей начнет деградировать.

Поэтому, первый вопрос, либо мы говорим о пространственном развитии, либо мы говорим о пространственном сжатии. Я поклонник и сторонник, что мы должны говорить. И сегодня, после выборов президента, что никакого пространственного сжатия у России не может быть. Она прекратит свое существование, как единая историко-политическая сущность при такой стратегии. Поэтому я за пространственное развитие. И когда я здесь вижу «Один пояс – один путь» Китая, я хотел добавить «Один пояс – один путь России».

И мы должны сбалансировать и предложить, в первую очередь, Транстихоокеанскому партнерству, которое было создано Бараком Обамой, который сгоряча попытался разрушить Трамп, вы послушайте и почитайте его выступление на Давосе. Он уже поменял кардинально точку зрения, потому что транснациональные корпорации привели его в чувство. Там собрались те страны, от Канады с Австралией, до Сингапура с Японией, большинство из которых противники и оппоненты Китаю. Поэтому уж давайте мы сбалансируем, предоставим коридор. Эти страны генерят 40% глобального ВВП и 30 – мировой торговли.

Россия вполне могла быть такой долгосрочный проект международного сотрудничества. И это не опровергает то, что говорил Игорь Алексеевич, Яков Моисеевич здесь. Это вопрос

создания транснационального международного консорциума и привлечения денег. И я думаю, это вопрос прорыва той блокады и тех санкций, про которые говорил уважаемый экономист Николаев.

И последнее. Восемьдесят процентов населения Соединенных Штатов живут максимум в 20 минутах езды от ближайшего аэропорта. Большого или маленького. В одной Аляске аэропортов больше, чем на всей территории Российской Федерации. С чем мы столкнулись сейчас, получив стратегию пространственного развития? Пока самолет висит в воздухе, он находится в абсолютно конкурентной среде, поэтому «Трансаэро» разоряется, ВИМ-Авиа, и так далее. Но как только шасси самолета касаются взлетно-посадочной полосы, он попадает в объятия жесточайших монополистов.

Построили аэропорт Платов, аплодировали, 40 млрд. Создали избыточную инфраструктуру. Сегодня сборы выросли в три раза. Что получили авиакомпании при связанности? Уменьшают количество вылетов из Москвы до Ростова. Так что, уважаемые коллеги, сегодня необходимо тщательно подойти и начать регулировать эти вещи, потому что наверняка там была коррупционная составляющая.

Дальше, самолет – это кресла. Как ниже 100 кресел, стоимость самолето-кресла, в арифметической или геометрической прогрессии падает привлекательность. Соответственно, что о ближнемагистральных рейсах мы можем говорить, и авиаперевозок из ближайших городов друг к другу, – до Воронежа, до Брянска, из Читы до Хабаровска и так далее, если не ввести дифференцированный режим налогообложения на эксплуатацию разных типов самолетов. А это заставит потенциальный рынок таких бортов, самолетов 85-75 кресел, потенциальный рынок 4 тысячи самолетов в год. Вот какой самолет надо закладывать сегодня для России, введя дифференцированное налогообложение.

Поэтому, заканчивая свое выступление, я хотел сказать, уважаемые коллеги. Я еще в душе студент. Помните лозунг французской революции студенческой 1968 года? Будьте реалистами, требуйте невозможного! Нельзя без конца перелицовывать «Транссиб». Фатальное несоответствие. Советская власть, плановая экономика была посажена на построенный в рыночной царской экономике «Транссиб». Сегодня главная проблема – фатальное несоответствие рыночной экономики, построенной за последние 25 лет, той плановой, размещению производительных сил. А отсюда все проблемы с моногородами и так далее.

[01:10:26]

Поэтому если мы хотим избежать сжатия, необходимо строительство нового «Транссиба», не под паровозную тягу, с другими радиусами закругления, новой технологией обработки грузов. А на самом деле, этот транспортный коридор должен пройти от Владивостока до Роттердама 12,5 тысяч километров, из них 9,5 по территории России, 23 субъекта Российской Федерации. Создать 8 млн новых рабочих мест, в первую очередь за Уралом. А с китайским «Шелковым путем» мы сделаем несколько перемычек, потому что они идут к Босфору. И будем обмениваться грузами.

И тогда глобальная логистика между Западом и Востоком будет прочно стоять на двух ногах – южной китайской и северной российской. Так что, уважаемые коллеги, давайте будем реалистами, и будем требовать невозможного. Особенно сейчас, после президентских выборов. Спасибо.

Руслан Гринберг: У нас Иван Валентинович романтик большой. Недавно он сообщил мне такую вещь, что президент Владимир Путин еще до своей оглушительной победы, распорядился, подписал, красивая подпись у него такая, распорядился заняться этим вопросом, он как бы увлекся этим делом. И мы, конечно, в большом воодушевлении находимся.

А с другой стороны, есть разные другие сомнения. Мой немецкий друг один хороший, он русский язык хорошо знает, он говорит: у вас есть такая религия – буддизм. А у вас завтра буддизм, завтра будет. И вот эта религия, она нам немножко мешает в этом. Я не хочу сказать, что в этом случае то же самое произойдет. Тем не менее, такие сомнения возникают.

Дальше у нас Владимир Филатов, руководитель Центра инновационной экономики и промышленной политики Института экономики РАН. По сути дела, он мой подчиненный. Был, правда, поскольку я уже не директор, поэтому я ему не могу сильно приказывать. Но времени у нас осталось мало. Володя, ты за пять-шесть минут уложишься?

Владимир Филатов: Я постараюсь. В принципе, надо сказать, что основные вещи названы были уже. И добавить по большому счету здесь можно немного. Хотя многие вещи, наверно, можно и нужно уточнять. Конечно, вопрос об экономическом росте ключевой, и, к сожалению, мы в ходе дискуссий про президентские выборы так ничего толком не услышали, кроме известного выступления президента. Тот, кто интересовался, знает программу экономического роста. Действительно, комплексный документ, охватывающий такой цельный взгляд. Мы, в общем, разделяем этот подход, хотя имеем много вопросов по конкретной реализации.

О самом росте. Вопрос, – а какой рост мы хотим иметь? Обращаю внимание, президент сначала говорил о выше мирового. Это значит 3,5+. В послании уже в полтора раза ВВП к окончанию его срока. Это получается 5,3 среднегодовой рост. И так, действительно, Игорь Николаев правильно сказал, на пустом месте не может быть, что вчера полтора, а завтра пять и три. Значит, тоже вещь непонятная.

То есть при любой модели должен быть какой-то переход, хотя бы два-три года, даже если мы говорим о реализации модели роста, как бы в идеологии Столыпинского клуба, сразу это не получится. Все равно должен быть какой-то период, в ходе которого два-три года должны создаваться некие предпосылки.

[01:15:23]

Если смотреть, какой рост мы хотели бы через эти два-три года, то все-таки получается, что нам нужен рост процентов шесть. Тогда мы, вообще-то говоря, можем к 2035 году сократить разрыв в душевом ВВП с Федеративной республикой хотя бы, как некий образец. Хотя сам ВВП, я согласен, счастья не дает, но без ресурса и сейчас трудно и

уровень жизни поднимать. Поэтому рост – это есть самоцель, с точки зрения политики. Но это цель с точки зрения политики, но условия для достижения более серьезных целей.

Что мы считаем, что, вообще, политика экономического роста это комплексная политика, которая охватывает структурный аспект. Структурный аспект – это наполнение экономического роста. То есть, какую продукцию и на каких рынках необходимо производить, наполнить экономический рост реальным содержанием. Вопрос.

Ресурсный вопрос – за счет каких ресурсов обеспечивать этот рост. Третий большой аспект это экономические механизмы и институты. Значит, они должны обеспечивать экономический рост. И все это должно быть увязано в некую модель. Как мне представляется, в наибольшей степени к этому приблизился Столыпинский клуб, хотя есть вопросы.

Вопрос первый, о приоритетах. Мы считаем, что, если говорить о структуре, три приоритета. Первое, это пространственное обустройство страны, то, о чем говорили вы, но несколько более о другом, более широком аспекте. Это решение жилищной проблемы в основе. При том не так, как она решается сейчас в небоскребах миллионников, а наоборот, растаскивание, это как бы частные дома, магистрали.

У нас 20 метров общей площади на человека. В Европе – 40. В Норвегии и США, там запредельная для нас. Нам для того, чтобы за 20 лет выйти на европейский уровень сегодняшний, это надо почти вдвое увеличить объемы жилищного строительства. При том увеличивать это надо действительно через мелкий бизнес, через строительство отдельного жилья. Прежде всего, заселять надо южный пояс Сибири, там, где и «Транссиб».

Второе, технологическое отставание. Мы, конечно, великая как бы энергетическая страна, но у нас половина оборудования импортного в нефтегазе. И эта половина уже 20 лет. Сколько я помню, это все половина. Там программы, то-сё, все есть, но половина остается. Турбины у Siemens мы, великая энергетическая страна, тоже как-то вокруг этого проблемы возникают.

Я не говорю о производстве технологического оборудования для базовых отраслей – металлургия, химия, транспорт, все по определению, исходя из того местоположения и из той структуры, из тех задач, без которых мы обойтись не можем. Падение-то за 20 лет в разы, а иногда и... Мы не делаем полностью оборудование для легкой промышленности. Совсем. Уже последние годы нет ткацких станков, ничего, ноль просто. Так что этот вопрос надо решать.

[01:20:00]

Потом третий вопрос надо решать. Диверсификация экспорта. В чем наши могут быть преимущества. В два раза, понятно, что мы экспорт сырья не увеличиваем, мы не хотели, этого просто не может быть по определению. Значит, надо выходить с новой инновационной продукцией и захватывать рынки. Можно, если вы выходите с абсолютно новой продукцией, работая на опережение, можно. Но это опять целая стратегия. Опять об этом много говорить. А заканчивается это тем, что в Сколково скупаются наиболее

перспективные инновации, и вместе с персоналом, который это все делает, малые инновационные предприятия, это переселяется в очередную долину.

Вот на эти вопросы надо ответить. И последний вопрос, он скорее вопрос к Якову Миркину. Не очень понятна эта финансовая политика. Это финансовое смягчение и мы даем деньги мелкому бизнесу, или любому бизнесу. Или речь идет о другом, о выстраивании специального инвестиционного контура, через который финансируются перспективные проекты. Мы-то склоняемся, в общем, ко второму, что надо иметь несколько мега-проектов.

Руслан Гринберг: Все, Володя, спасибо тебе. Спасибо. Сергей Хестанов, советник по макроэкономике генерального директора компании «Открытие Брокер». Автор замечательных комментариев по разным средствам массовой информации, несмотря на то, что человек он молодой, но когда он их дает, мне все время кажется, что он уже зрелый, понимающий. Так редко бывает у молодых людей. Это я специально его хвалю, чтобы он пообещал мне покороче.

Сергей Хестанов: Пять минут, да. Я начну с конца, с того, что делать. На тактическом горизонте, скорее всего, необходимо повторить то, что однажды уже в нашей стране было сделано, а именно новая экономическая политика, дерегулирование и снижение налогового прессинга. А вот на стратегическом горизонте проблем гораздо больше. По сути, необходимо предложить новую модель экономического роста, в отличие от модели сырьевого восстановительного роста на котором мы, собственно говоря, и росли с момента распада СССР до конца 2014 года.

Собственно три слайда, это иллюстрация, почему то, что я только что сказал, действительно необходимо сделать. Эта картинка – это график ВВП России поквартальный, еще не нарисован квартал, который прошел, но Росстат официально не опубликовал сведения. Тем не менее, неофициально он уже цифру назвал – полтора процента, что, кстати, соответствует и величине нашего экономического роста за прошлый год.

Для такой экономики, как Россия, любой рост ниже трех процентов де-факто означает стагнация, или как есть хорошее слово, очень знакомое людям моего поколения и старше, – застой. Вообще, с точки зрения того, что происходит сейчас в российской экономике, ситуация очень напоминает эпоху от поздне-брежневской до, допустим, вот этого epochального съезда, на котором была перестройка объявлена. Причем любопытно, что не только в экономике ситуация похожа. То есть низкие темпы роста, официальные показатели, типа ВВП, растут. А реальный уровень жизни чуть-чуть плавно, но снижается, это мы все на себе видим.

Но и в некоторых политических событиях, совсем недавно своеобразный юбилей был, а именно 35-летие объявление программы СОИ, помните, такая была Стратегическая оборонная инициатива? И из этого графика следует, что, с одной стороны, мы, действительно, преодолели последствия спада предыдущих лет, потому что полтора процента роста это, хотя и маленький рост, но это достоверно превышает погрешность

измерения. Но с другой стороны, у нас, действительно, есть время около двух лет для того, чтобы что-то в российской экономике изменить.

Причем что изменить? Необходимо изменить явно не денежно-кредитную политику. При всем уважении к Якову Моисеевичу, он очень много говорил о необходимости снижать ставку и увеличивать денежное предложение. Это с сайта Центробанка, из открытых источников – денежный агрегат М2. То есть, говоря простыми словами, это все подвижные деньги в российской экономике.

[01:25:10]

Можно видеть, что в общем-то, этот показатель растет (зубчики можно игнорировать, это особенности бухучета ЦБ) достаточно сильно. С момента кризиса 2008-2009 годов он вырос в четыре раза, что, кстати говоря, намного превышает пожелание увеличить денежного предложения, которое уже не первый год звучат из уст господина Глазьева. Только Центральный банк это сделал медленно, плавно, без шума и пыли, более-менее равномерно. Поэтому денег в российской экономике достаточно много.

Кстати, есть очень простой, почти бытовой критерий, который подтверждает эту мысль, – это динамика процентных ставок. Сам факт того, что процентные ставки в банках падают, говорит о том, что в финансовой системе денег много, и привлекать эти деньги у граждан банки, в общем-то, желанием не горят.

А вот слайд, который скорее всего будет актуальным лет 15. Он чуть-чуть отвечает на вопрос, когда возникли сложности с нашей экономической моделью. Это график двух биржевых индексов. Вот эта тоненькая оранжевая линия это американский S&P, тоненькая беленькая линия – это наш российский индекс РТС. Но любопытно, что индекс РТС, хотя и российский, но его придумали в далеком 1994 году, когда рубль был, мягко говоря, достаточно нестабильный. И этот график исчисляется в долларах, то есть стоимость российских акций, но вычислена в долларах. Это позволяет легко и корректно сравнивать эти показатели.

И что мы видим? Мы видим, что где-то до примерно весны 2012 года эти графики шли довольно скоррелированно. То есть Америка растет – мы растем, Америка падает – мы падаем. Даже целое поколение биржевых спекулянтов эксплуатировали эту зависимость. А вот с весны 2014 года Америка пошла вверх, и сейчас где-то здесь находится. А мы пошли вниз, и сейчас где-то вот здесь находимся. Почему это произошло?

Дело в том, что движение биржевых индексов на длительном временном промежутке – это своеобразный барометр поведения экономики, потому что формируется оно движением денег крупных инвесторов. А крупные инвесторы покупают ценные бумаги не потому, что сейчас хорошо, а потому, что ждут, что будет лучше, и точно так же продают их не потому, что сейчас плохо, а потому что ждут, что будет хуже. И где-то с весны 2012 года эти самые пресловутые крупные инвесторы засомневались в основной модели нашей экономики.

Из этого следует, что для того, чтобы выйти на траекторию устойчивого роста, о чем говорил наш иностранный коллега, нам необходимо, как минимум, выдвинуть новую

экономическую модель. Какой она будет, к сожалению, пока даже каких-то серьезных обсуждений не ведется. Я надеюсь, что где-то ближе к осени этого года, когда сформируется новое правительство, то профильные министры, как минимум, откроют эту дискуссию. Но вот этот график нам очень четко говорит о том, что проблемы нашей экономики начались задолго до обвала цен на нефть, и задолго до любой геополитики, потому что в 2012 году ни слова «санкции» не звучало, ни слова «геополитика» с широких экранов, вообще говоря, не звучало.

И перебирая буквально минутку, один слайд провокативный слегка. Сразу же дисклеймер, это не я, это журнал The Economist посчитал и нарисовал так. Это график цен на нефть в долларах 2013 года, и нанесены все руководители нашего государства. Глядя на эту картинку, сразу видно, за что любят Леонида Ильича Брежнева, у меня юность прошла в те времена. За что многие не любят Михаила Сергеевича Горбачёва, цена падала. За что еще меньше любят Бориса Николаевича Ельцина. Мало того, что падала, еще и абсолютные значения очень низкие. Ну, за что любят Владимира Владимировича. При нем рост цен на нефть был выше, чем при Брежневе, почти в два раза.

Соответственно, здесь нужно поставить большой знак вопроса, и само поведение этого графика намекает нам на то, что да, нам нужно что-то менять, и очень хотелось бы, чтобы хотя бы широкая дискуссия на тему что и как менять, стартовала хотя бы после формирования нового правительства. На этом исчерпал свой лимит.

Руслан Гринберг: Это интересный очень последний слайд был. И вот это меня не покидает чувство стыда, что великая держава зависит от стоимости бочки нефти. Это что ж такое, товарищи дорогие? Куда же и чего это? У меня еще есть два официальных выступающих, я обязан предоставить им слово.

[01:30:10]

Во-первых, хоть 8 марта уже прошло, но у нас женщина, хотя бы одна, должна выступить. Мария Окунь. Я ее никогда не видел, но в переписке я дал согласие участвовать в нашей дискуссии.

Мария Окунь: Добрый день. Я являюсь аспирантом факультета политологии МГУ и выпускником магистратуры экономического факультета МГУ. У меня такая тема своеобразная – «Выборы прошли». Это тема нашей общей конференции. А моя подтема – это то, что предстоит выбор стратегии социально-экономического развития России.

Итак, сейчас уже здесь неоднократно упоминалось, в стране идет полным ходом битва стратегий социально-экономического развития России, – среднесрочная и долгосрочная. Каждая стратегия у нас предлагает вариант до 2025 года и до 2035 года. У нас есть две стратегии со стороны экспертного сообщества, это Стратегия роста Столыпинского клуба и Стратегия ЦСР, то есть Титов и Кудрин. И две стратегии со стороны непосредственно органов государственного управления, это стратегия Минэкономразвития и план правительства.

Предполагается, что основным документом развития станет план правительства, и в него должна войти либо какой-то один из этих вариантов, помимо, конечно, собственных

предложений плана правительства. Либо некоторые разработки этих стратегий. И наш президент Владимир Путин в 2017 году ознакомился с первыми двумя стратегиями. Это стратегии, как я уже говорила, Титова и Кудрина. Но окончательного решения по поводу выбора стратегии не принял, а отложил этот выбор на период после президентских выборов, и предложил подумать над тем, какие предложения из этих стратегий можно совместить в общей стратегии.

Именно на это и направлено мое исследование. То есть я постаралась выделить в каждой из этих двух стратегий экспертного сообщества ключевые, самые основные пункты, и провести их научное рафинирование с тем, чтобы понять, какие их предложения стоит взять в итоговую стратегию. И ранжирование в порядке убывания значимости идет именно по Стратегии роста. А второй столбец – это Стратегия ЦСР, это подстраивание к Стратегии Роста. То есть соответствующие темы, которые озвучены в Стратегии роста, как они перекликаются с тем, что говорится в Стратегии ЦСР.

Итак, одним из двух ключевых, насколько мне удалось сделать такой вывод о Стратегии роста, является смягчение денежно-кредитной политики, а также некоторые другие меры, связанные с валютным курсом, о чем я обмолвлюсь несколько позднее. И второй пункт – это выбор государством первоочередных проектов-локомотивов и реализация их на основе государственно-частного партнерства, и проектного финансирования соуправления на основе территориальных кластеров.

Вот это два основных пункта. И что на этот счет предлагается в Стратегии ЦСР. В части денежно-кредитной политики в Стратегии ЦСР, как мне удалось понять, эта тема идет не первым, а вторым пунктом, и ключевой факто – это инфляция ниже четырех процентов, то есть этот пункт в части денежно-кредитной политики является тем пунктом, на который у двух стратегия прямо противоположное воззрение. Также в Стратегии роста эта тема занимает одно из последних мест, а в Стратегии ЦСР эта тема идет на первом месте, – это социальная сфера и трудовые ресурсы.

[01:35:09]

То есть в Стратегии ЦСР считается, что главное, что должно делать наше правительство после выборов в своей стратегии среднесрочного и долгосрочного развития, – это поднимать производительность труда и капитала. А для этого повышать инвестиции в человеческий и физический капитал. Для этого, в свою очередь, провести соответствующий бюджетный маневр, то есть повышение удельного веса в общих расходах государства за счет других расходов. В частности, общегосударственных и оборотных расходов. И Стратегия роста с этим солидарна. Примерно то же мнение, единственное, как я уже сказала, у них эта тема ближе к концу по приоритетности.

Руслан Гринберг: Мария, я прошу прощения, но мне кажется, что вы характеризуете ту и другую стратегию более-менее. А вы-то сами за какую? За большевиков или за коммунистов? А то мы здесь не пойдем.

Мария Окунь: На самом деле я просто выделила ключевые моменты и провела научное исследование, разный взгляд на денежно-кредитную политику. Они исходят из различных целей, из различных взглядов на цели денежно-кредитной политики.

Мужчина: Красные пришли – грабят! Белые пришли – грабят! Куда бедному российскому человеку податься от этих стратегий! Это вот из этой темы.

Мария Окунь: Это научный анализ теоретических моделей.

Руслан Гринберг: Нет, вы должны сделать выбор – в пользу кого?

Мария Окунь: Вывод о том, что, по моему мнению, основанному на научном анализе, упор на смягчение денежно-кредитной политики, которая в Стратегии роста чрезмерный упор, он не совсем верен. Все-таки денежно-кредитная политика, ее первая миссия – это обеспечение благосостояние населения, а во вторую очередь, – способствование и создание условий для экономического роста. Но в Стратегии роста есть ряд ценных предложений о том, что нужно перейти от режима таргетирования инфляции к режиму гибкого таргетирования, гибкого инфляционного таргетирования или режима таргетирования множественных целей.

Режим гибкого инфляционного таргетирования, он сейчас как раз все больше и больше распространяется в интенсивно развивающихся странах. А режим таргетирования множественных целей, он как раз применим в наиболее развитых странах. Вот это конкретное предложение.

Руслан Гринберг: Спасибо вам большое, Мария, потому что вы правильно говорите, что не надо только одну инфляцию таргетировать. Мы тоже за это дело. Спасибо вам. У нас последний официальный докладчик. Шота Георгиевич Хабелашвили, генеральный директор «Мосстроя-31», это самый лучший в России строительный трест, а он его руководитель. И он приходил ком не в институт. Шота Георгиевич, расскажите, что нам делать? Как дальше жить?

Шота Хабелашвили: Обязательно скажем. Говорят, что XXI век будет веком гуманитарным или никаким. Речь пойдет о гуманитарном, скажем, отношении к своему населению, прежде всего. Я хочу словами Путина отметить ту проблему, которая здесь сказано: в стране свыше 2 млрд квадратных метров жилья нуждается в капитальном ремонте. Из них 1 млрд квадратных метров – в срочном ремонте.

Почему эта проблема стала сегодняшней темой? Потому что это касается двух третей населения. На сегодняшний день делается только 50-70 млн квадратных метров, что абсолютно недостаточно. И проблема усугубляется. Значит, в 2016 году было собрано 160 млрд, мы с вами все платим взносы. Уже в 2017 году было собрано 200 млрд. Но чтобы эту программу свернуть, скажем, в течение пяти лет, необходимо приблизительно в год по 600 млрд.

[01:40:11]

Во всех странах приняты нормы класса энергоэффективности. Даже в Белоруссии уже ниже класса В проекты не рассматриваются и не строятся. На сегодняшний день мы

продолжаем опять строить проекты, которые равняются классу D, и тем самым, люди наши проживают не комфортно. Вот такая абсурдная ситуация возникла в стране. С одной стороны, мы видим 6 трлн рублей – это на 1 млрд квадратных метров необходимы средства для ремонта; 12 – это уже на второй миллиард. То есть мы имеем, с одной стороны, огромный объем работ, для которого пришло время, его надо выполнить. Это оплачиваемые работы.

А с другой стороны, мы видим обанкротившиеся предприятия, производители строительных материалов. Конечно, это, в основном, касается малые и средние предприятия, которые не находят реализацию. На сегодня банкротится около 30% или находятся на грани банкротства. И также строительные организации, которые будут выполнять, могли бы выполнять эти работы, малые и средние предприятия, тоже обанкротились около 30%, или находятся в стадии банкротства.

Мы видим здесь внизу замечательный дом, кирпичный, эркер. Но посмотрите, на что это похоже. Если бы в него вложить деньги и сделать капремонт, с него получилась бы самая настоящая конфетка. Итак, я еще раз повторяю. С одной стороны, мы имеем огромный объем работ, которые необходимо выполнить, и оплачиваемый, но растянутый во времени. А с другой стороны, строительная отрасль и промышленность строительных материалов банкротятся. И при том сказать, что никому это не надо, – я не могу, потому что мы общались со многими должностными лицами.

Вот приблизительно, как народ эту проблему решает. Вот кирпичный дом. Промерзают сильно. Они нанимают альпинистов и сами его утепляют. И это сплошь и рядом во многих городах по всей России практически. Вот Калининград. С левой стороны дом до ремонта, и справа – они сделали его в классическом стиле, выглядит как конфетка.

Мы обращались и к губернатору Московской области, там изменен закон жилищный, там, где было сказано, что при определении перечня работ может быть включено утепление, теперь стоит – должно быть включено. Обращались мы и к министру строительства. Долго ходил приказ класса энергоэффективности по министерствам. Правда, они его потом выпустили после письма за подписью депутатов.

Я хочу сказать, что отношение к этой проблеме, есть понимание. Но пока сдвинуть эту проблему невозможно. Есть 261 закон, который обязывает нас привести в соответствие, утеплить дома. И основные причины – это нехватка средств. В принципе, они есть, но они растянуты во времени.

Что мы предлагаем? Выпустить целевые ценные бумаги. Проблема народная. Их можно назвать народными, но они должны идти исключительно только на это. Многие экономисты здесь, конечно, могут возразить, что ситуация кризисная, не может государство, и так далее. Но деньги это возвратные. Как они должны выглядеть, на мой взгляд. Там купон должен быть не ниже, чем у Сбербанка, скажем, пять-шесть процентов. Тогда эти облигации будут покупать, если на них гарантия распространяется так же, как на банковские депозиты.

Должна быть реклама в средствах массовой информации. Должны рекламировать те регионы, которые в этих вопросах достигли определенных результатов. И должно государство дать гарантии на региональные бумаги. Тогда эта работа может пойти. Какие будут выгоды? В основном это, конечно, население выгадывает. Более комфортное жилье, соответственно, это повлияет и на качество уровня жизни, и на долгожительность населения, и так далее. Бизнес, конечно, выгадывает от этого. Загружен, рабочие места. Но вследствие этого же идут налоги. Налоги идут опять же государству.

[01:45:09]

Увеличение оборотов для финансовых институтов. Общество в целом выгадывает. Более эстетическое преображение наших городов, улиц и так далее. Я заканчиваю вот этим: красивый дом, красивая улица и красивая страна. Это все возможно.

Руслан Гринберг: Важно очень оптимизм. Спасибо вам большое. Смотрите, дорогие друзья. Здесь есть некоторые потребности моих спикеров, они хотят чего-то отреагировать на те или иные выступления. Но у меня есть еще из зала записки. Есть такой Фатеев Олег Анатольевич. Мы вам даем две минуты, и то только потому, что вы директор мебельной фабрики, а я очень люблю мебель.

Олег Фатеев: Добрый день, дамы и господа. Буду краток. Адам Смит в свое время сказал великие слова: чтобы богатело государство, нужны всего лишь три вещи, – мир, маленькие налоги и немного правосудия. Первый пункт я опускаю, будем говорить о втором пункте. Налоги. Мы должны на сегодня рассматривать налоги в связке с кредитно-денежной политикой. Любой экономист, любой руководитель предприятия прекрасно понимает, что платить налог на имущество при инфляции 20-25% это один налог. Платить налог на имущество при инфляции три-четыре – это принципиально другой налог.

На сегодня как бы смычка двух этих моментов – усиление налогового бремени и жесткая кредитно-денежная политика, с одной стороны, и с другой стороны, катастрофическое падение спроса и потребительского рынка привела к тому, что вообще невыгодно покупать станки. Я работаю, занимаюсь производством с 1996 года. И я прошел все эти кризисы. Я вам совершенно официально заявляю, что даже за один процент на сегодня, так сказать, если будут давать кредиты под один процент годовых, часть секторов экономики, их уже, эти кредиты, брать не будет.

Смотрите, очень простая вещь. Привожу конкретный пример. В 2012 году я обрабатывающий центр покупал за 5 млн рублей. На сегодня этот обрабатывающий центр, с учетом девальвации рубля, с учетом того, что в Европе тоже есть инфляция, стоит 10 млн. То есть мне надо через пять-шесть-семь лет полностью менять станок. Осуществлять хотя бы простое воспроизводство. Я не говорю уже расширить. Значит, 5 млн, я сделал их за счет амортизации накопленной, а на другие 5 млн я должен доначислить налог на прибыль 20%, заплатить миллион тут же государству, и заплатить налог на имущество, которое нам как бы Госдума под елочку положила.

Руслан Гринберг: Ваш рецепт какой?

Олег Фатеев: Мои рецепты следующие. Первое. Надо срочно вводить амортизационную льготу. Если вы помните, что подъем экономики в 1999-2001 году был связан не только с девальвацией рубля, не только с того, что мы стартовали с нулевой базы. Он был еще связан именно с налоговой льготой. Это первое.

Второе. Надо снижать налоги на труд. Даже не сколько налоги, сколько даже затраты на труд. Господа хорошие, смотрите, у нас 20 рабочих дней отпуска. У нас 14 рабочих дней, которые сделали на сегодня выходными днями. Их бизнес оплачивает, 14 дней, шесть процентов от общего фонда времени. На работодателя положили, сказали: господа, первые три дня больничного оплатите, проводите аттестацию, и так далее, и тому подобное.

Руслан Гринберг: Хорошо, а вы работодателю платите тоже не понятно сколько.

Олег Фатеев: Нет, я понятно сколько плачу.

Руслан Гринберг: А чего, хотите, чтобы они сами платили за вот эти страховые?

Олег Фатеев: Можно я закончу?

Руслан Гринберг: Да, это не мое время, но у вас осталось 30 секунд.

Олег Фатеев: Хорошо. Смотрите, простая вещь. Белорусы выходят 3 января на работу, и мы постоянно сокращаем разрыв между нами и белорусами. Поэтому я предлагаю срочно понижать налоги, первое, это вводить инвестиционную льготу.

[01:50:16]

Руслан Гринберг: Это правильно.

Олег Фатеев: И второе, разбираться с социальными налогами, и с тем, сколько мы отдыхаем, и имеем ли мы такую возможность. И я бы на сегодня говорил не о Стратегии роста, господа, а я бы говорил о первоочередных мерах, как нам остановить скатывание экономики в яму. Не выгодно в реальном секторе покупать станок. Мы через два года будем в Зимбабве, простите меня, пожалуйста.

Руслан Гринберг: Спасибо вам большое. Это очень важное выступление было. Я вам должен сказать, что одна из экзистенциальных проблем наших заключается в том, что правительство наше не очень любит всякие льготы, поскольку не знает, как отличить честных людей от не честных. И именно поэтому всех считает не честными. Я помню, мэр города Елабуга показал мне предприятие, где слепые люди производят штепсели, розетки. Вот они производят, производят, и у них была льгота. А льгота была такая, что если у вас половина коллектива слепые, то вы получаете очень большие льготы на прибыль, все. И вдруг она была отменена. А он говорит: «Я их не могу, они будут умирать под забором, что делать?»

Я спросил министра экономики в тот раз, не буду говорить фамилию, известный человек. Я говорю: «А почему вы отменили льготу? Люди там выживают, они работают, они нужны?» Он говорит: «Понимаешь, я объясню так. В среду мы ввели льготы для слепых. А в четверг полстраны стало слепой». Я говорю: «Так вот, а вы зачем вообще существуете? Вы зачем? Вы существуете для того, чтобы отличать слепых от зрячих». А они сделали

наоборот, – перед законом все равны. И это я называю импотентный либерализм. И надо сказать, что и сегодня это практикуется. Потому что всем кажется, что только введи льготы, начнут жульничать и все такое прочее. К сожалению, они не во всем неправы, что это тоже наша проблема.

Теперь господин Занин, мой друг хороший из Петербурга. А вы знаете, с питерцами нельзя шутить особо, они ребята серьезные очень, правда, те, которые сюда переехали. Он еще там. Господин Занин, расскажите, что вы думаете о жизни?

Валентин Занин: Я хочу внести оптимизм в наше заседание, потому что есть способы, как достаточно быстро начать жить лучше. Пункт номер один, отталкиваясь от предыдущего выступающего, немедленно отменить налоги на имущество, как одного самого главного могильщика любого развития. Налог на имущество люди создали на свои средства. Потом он может остановиться на два часа, или на три месяца какой завод, с него налог, банкрот и все отнимается.

Поэтому для того, чтобы страна привлекательной и миллионы людей, не три начальника работали, а миллионы людей начали чего-то делать...

Мужчина: А чем закрывать бюджет?

Валентин Занин: А это я вам запросто скажу, нет вопроса. Бюджет закрывается элементарно двумя вещами. Первое, плоскую шкалу сохранить, но собирать со всех видов доходов с богатых. Нельзя скостить пенсионный фонд, это триллионный фонд. Скостили с богатых. Они не просили. Я вот богатый, я не просил. Я не плачу в пенсионный фонд. Я не просил. Меня сделали неплательщиком для поддержки государства. Триллион рублей!

Дальше. В социальный фонд богатые не платят. Почему? Я не просил. Так, еще 200 млрд. И вот я вам за три минуты насчитаю еще. Мы потом останемся, я расскажу. Поэтому налог на имущество, который не такой большой, но он является полным тормозом, отменить немедленно.

[01:54:59]

Второе. Все просят, хотя я считаю, что кредиты не нужны, нормальному предприятию кредиты не нужны. Директор берет кредит – это наручники и вперед. Но все просят кредиты. Поэтому нужно делать следующее. Все деньги, которые есть в банках, сделать длинными. Если кто читал рассуждения о Великой депрессии 1929 года, то мало кто запомнил, что там писали, почему она возникла, – потому что банки стали выдавать кредиты больше, чем они привлекали депозитов.

У нас вся банковская система неустойчивая, потому что выдают кредиты их текущих денег. Нужно банкам запретить выдавать кредитов больше, чем они привлекают депозитов. И все тогда деньги, всех 40 трлн, которые лежат в банках, являются длинными деньгами, можем выдавать хоть на пять лет, хоть на 50, хоть на 100. Потому что приток депозитов всегда за 27 лет больше, чем отток. Поэтому всякие сказки о том, что кто-то возьмет деньги и банк будет неустойчивый, это бред для того, чтобы покрыть тех бездельников, которые наживаются, отдавая деньги не депозитные, а текущие в кредиты.

Потому что на текущих деньгах маржа больше. Это нужно немедленно прекратить, никакой революции для этого не нужно.

И следующий пункт, вообще надо запретить банкам взыскивать тело кредита. Зачем взыскивать тело кредита, если клиент платит проценты? Для чего банки существуют и вообще вся эта. Клиент платит год, два, три, восемнадцать. И поэтому, пусть фабрика работает. А когда он отдает и проценты, и тело кредита, невозможно развиваться.

Мужчина: Я взял деньги и в офшор?

Валентин Занин: Нет, подождите, это как сделать, чтобы все было в порядке, это нет вопросов.

Мужчина: У вас я могу одолжить деньги так, чтобы платить только проценты?

Валентин Занин: У меня? Давайте.

Мужчина: Да, у вашей компании.

Валентин Занин: Давайте.

Руслан Гринберг: Я тоже хочу, чтобы без тела.

Валентин Занин: Руслан Семёнович, я объясню. Мы можем поговорить на эту тему, но я вам ответственно говорю, тело кредита взыскивать не надо, если клиент продолжает платить проценты. Пусть он платит год, два, три, и горбатиться хоть 50 лет. А вот если он прекратит, тогда у него забирается все, что у него есть. Это все решаемое дело. Но мы должны предложить решения, которые людям помогут, и может выбиться вся экономика.

Руслан Гринберг: Товарищ Занин, начнем с этого зала. Все те, кто хочет получить кредит и не отдавать тело, записывайтесь ко мне.

Валентин Занин: Нет, он отдаст мне. Минуточку, он мне отдаст. Как только он перестанет платить проценты, он мне отдаст, нет вопроса. Взыщем по закону. А какой процент? Вот банки дают под 15, но я дам под 12. Это я не все сказал. Я еще самого главного не сказал. Нужно немедленно все оценки делать только по паритету покупательной способности. Запретить нашу экономику обсчитывать какими-то набиуллинскими деньгами. Мы четвертая экономика в мире. Нужно запретить Центральному банку покупать на напечатанные деньги валюту дороже, чем по ППС. В результате этого и экспорт наш сократится, но ресурс останется в стране и будет чего делать.

Сегодня чудовищный поддерживается экспорт. Все, что они заработали, у них отнимут, потому что они продают дешевле себестоимости.

Руслан Гринберг: Ты же знаешь, что мое терпение безгранично, но вот эта твоя ППС, это за пределами воображения.

Валентин Занин: Без этого ничего не будет. Ничего подобного.

Руслан Гринберг: А кто будет считать ППС? Ты будешь считать и пересчитывать?

Валентин Занин: Золотой миллиард считается четыре раза в день.

Руслан Гринберг: Да нет, это за пределами здравого смысла. Примерно так же, как многие хотят сегодня...

Валентин Занин: Золотой миллиард между собой считают четыре раза в день и никаких трудностей не испытывают.

Руслан Гринберг: Многие хотят сегодня, чтобы Россия вышла из ВТО.

Валентин Занин: Зачем выходить из ВТО?

Руслан Гринберг: Это примерно такая же идея по ППС.

Валентин Занин: Нет, дорогой мой, это совсем другое дело.

Руслан Гринберг: Так, значит, зачем нужна власть, если ею нельзя злоупотреблять?

Мужчина: Российская промышленность рухнет немедленно.

Валентин Занин: Ничего не рухнет. Уменьшится экспорт сырья. Уменьшится.

[02:00:11]

Мужчина: А чем жить тогда?

Валентин Занин: А на экспорт сырья мы не получаем ни одной сухой корочки, потому что все остается там. У нас положительный баланс внешнеторговый, и поэтому 100% экспортируемого сырья не попадает в нашу страну, остается там. И это нужно завершить и жить для себя.

Руслан Гринберг: Товарищ Занин, все, мы закончили. Поднимите руки, кто за ППС? Кроме Нигматуллина.

Валентин Занин: Они самые умные здесь сегодня, поэтому они за это.

Руслан Гринберг: Вопросы подождите секундочку. Смотрите, дорогие друзья. Мы вообще-то уже перебрали все на свете, мы должны заканчивать. Кому не терпится чего-нибудь сказать?

Мужчина: Не сказать, вопрос задать. Дайте вопрос задать. Например, Николаеву.

Руслан Гринберг: Николаев ответит коротко.

Мужчина: Вопрос. Значит, снизим налоги. Согласен, снизим налоги. Как будем закрывать бюджет? Вот Роберт говорил, что доля бюджета у нас ВВП меньше 30%. Не хватает ни на что, даже на науку. Вот на это здание, поддержание. Как будем закрывать долю бюджета ВВП, и какая оптимальная доля бюджета ВВП для России. Первый вопрос вам.

Руслан Гринберг: Это хороший вопрос, я смотрю, вы делаете правильные выводы.

Мужчина: Я, во-первых, специально для вашего института, для тех, кто тут, специально подготовил лекцию про ППС. Это для вас. Хорошо? Вам вопрос.

Игорь Николаев: Я все понял. Здесь все очень просто. Мы когда снижаем налоги на что надеемся?

Мужчина: На рост.

Игорь Николаев: Да? На увеличение налогооблагаемой базы. И наша жизнь собственная, я недаром назвал пример 2008-2009 год, когда мы ставку налога на прибыль снизили с 24 до 20%.

Мужчина: Но роста нет!

Игорь Николаев: Как оказалось, что эти надежды оправдываются.

Мужчина: Но рост-то не оказался.

Игорь Николаев: Как это не оказался? Как это? Ничего себе не оказался? У нас кризисный был 2009 год только, как известно, падение на 7,8%.

Мужчина: Вот упало, а тогда?

Игорь Николаев: А потом с 2010-го уже начался рост значительный. Это называется не оказался?

Мужчина: А дальше следующий для вас. 2008 год и 2017 год, если взять среднегодовой рост, – 0,3%! Ноль! Ничего нет. Тогда к вам второй вопрос.

Руслан Гринберг: Ничего не понял.

Мужчина: Я говорю, что средний годовой рост 2008 года к 2017-му, – 0,3% за эти десять лет! Роста не оказалось.

Игорь Николаев: И что?

Мужчина: Ну, так, нет роста. И сейчас нет роста, хотя прибыль 20%.

Руслан Гринберг: А причем здесь налоговая система?

Мужчина: Второй вопрос.

Игорь Николаев: Нет, нет, вы подождите. Вы как раз вопросы, причем здесь 0,3%? Мы говорим об эффекте, который происходит, когда налогооблагаемая база, она растет. И этот эффект был. Это жизнь показала.

Мужчина: А дальше?

Игорь Николаев: А то, что началось с 2012 года, это вот как раз те самые диспропорции накопились. Вы что хотели? Вы один раз снизили и у вас теперь 25 лет будет расти? Таких чудес не бывает.

Мужчина: Вы утверждаете, что 2010-2011-2012 годы, где был среднегодовой темп роста четыре процента, обеспечили вот эти снижения на прибыль с 24 до 20. Это ваше утверждение?

Игорь Николаев: Я говорю, что это только одна из мер. Очень важная, одна. И это я не раз говорил. А не то, что вот только это и обеспечило. Ничего подобного я не говорил.

Мужчина: Хорошо, то есть тогда хочу задать еще вопрос. Это одна из мер, просчитана, и скажите, какую долю в рост четыре процента оказалась вот эта мера. Вопрос вам – какую долю в этих четырех процентах? Это считанные вещи, обсчитали или нет. Да, нет?

Руслан Гринберг: Это не считанные вещи, нет. Секундочку.

Мужчина: Следующий вопрос.

Руслан Гринберг: Нет, сейчас Миркин вам ответит, чтобы больше ничего не спрашивали.

Мужчина: Нет, я еще Николаеву не сказал, потом Миркину задам вопрос. Давайте сначала Николаеву скажу. Вопрос второй.

[02:05:01]

Мужчина: Знаете, да, давайте, можно я несколько слов скажу? Вы знаете, вот политика, управление экономикой это дело инженерное. Точно также должны существовать макроэкономические инженеры, у которых есть набор инструментов. И кроме того, так же, как инструмент в реальной промышленности, они смотрят, а как другие инженеры в подобных ситуациях, как они при этом поступают. Правильно?

Мужчина: Правильно.

Мужчина: Значит, мы издали том большой, очень долго изучали, как инженеры, мы очень долго изучали, как экономике, которая находится в сложном положении, в очень сложном положении, как они переходят в рост. Причем сверхбыстрый рост. Я попытался эту формулу сегодня привести, но давайте, в частности, по налогам. Значит, когда мы смотрим отдельные виды налога, это, конечно, нужно. Но в целом, для нас важно то, что мы называем налоговое бремя, все вместе. Вот какое налоговое бремя несет экономика.

Значит, в России налоговое бремя – все виды налогов, платежей, квази-налогов и так далее, и тому подобное, – это 37-40% валового внутреннего продукта. Это немыслимо тяжело. Это на уровне стран континентальной Европы, Франции, предположим, которые растут совершенно другими скоростями. Все наши изучения, все наши исследования показали, что для того, чтобы лошадка побежала быстро и брала призовые места, уровень налогов, налоговое бремя, должно быть ниже. Это всегда делается при более низком налоговом бремени, потому что у бизнеса остается больше ресурсов для того, чтобы вкладывать.

Мы для России рекомендуем налоговое бремя хотя бы 32-33% валового внутреннего продукта, имея в виду, что рост, сверхбыстрый рост, конечно же, вырастит налоговую базу. Я вам приведу пример. Китай. В Китае налоговое бремя избыточно низкое, действительно, там очень плохо развита пенсионная система, как вам известно, это 26% валового внутреннего продукта при норме накопления, норме инвестиций 46% валового внутреннего продукта. Мы имеем ровным счетом наоборот. Мы имеем в районе 40% ВВП налоговое бремя, но при этом 21-22% нормы инвестиций.

Мужчина: Семнадцать процентов. Сегодня семнадцать.

Мужчина: Есть статистика Росстата.

Мужчина: Это вот статистика 17%.

Мужчина: Я только что смотрел! Вот только что, сегодня, – 21%.

Мужчина: Я тоже смотрел.

Руслан Гринберг: Принесите вы свою, а вы – свою, а мы проверим.

Мужчина: Хорошо. Поэтому с точки зрения налогов, еще раз повторюсь, инструментов может быть масса, в честь отдельных налогов и платежей, но нам очень важно смотреть, как лошадка нагружена в целом.

Теперь, если возможно, если Руслан Семёнович разрешит...

Руслан Гринберг: Нет.

Мужчина: Не разрешите? Мне нужно две минуты.

Руслан Гринберг: Одну.

Мужчина: Две.

Руслан Гринберг: Одну, а дальше коррупция.

Мужчина: Хорошо. Тело кредита. Вот все-таки будущее. Мы узнаем наше будущее тогда, когда будет назначено правительство в мае, это правда, Все мои контакты, никто не может, вот никто сегодня не может сказать, какого рода правительство будет назначено в мае. Потому что есть четыре варианта. Первый вариант – это сползание к административной экономике, мобилизационной экономике в связи с военными приготовлениями, и усиление роли тех, кто... Это первый вариант.

Второй вариант, это то, что мы имеем сегодня, тот же примерно состав правительства, полузакрытая стагнационная экономика, где будут увеличиваться огосударствление, где будут повышаться налоги. Где придет очередной кризис, где промышленники будут, каждый промышленник будет предлагать свой механизм, свой рецепт личный, как решить проблему.

[02:05:00]

Третий вариант, я о нем говорил, что-то типа Франко. То, что Руслан Семёнович, мы обсуждали рецепты института экономики, это очень похоже. Та же в принципе система, но очень большие вложения в инфраструктуру. Плюс частичная либерализация для того, чтобы бизнес был.

И четвертый вариант, с минимальными шансами на то, что он осуществится. Я попытался сегодня дать в формуле роста, где деньги, кредит, процент – только маленький кусочек в системе лечения, которое назначает врач. Там есть и инфраструктура с крупными бюджетными инвестициями. Там есть и снижение налогового бремени. И очень сильные налоговые стимулы. Это то системное лечение, которое мы ищем всегда, когда мы идем к врачу. Не отдельную болячку, а в целом организма.

Мужчина: Последний вопрос.

Руслан Гринберг: Так, смотрите. Я заканчиваю наше заседание, оно у нас и так затянулось. На самом деле, вы видите, что рецептов много. И много очень дельных советов. Но я хочу одну вещь только сказать в заключение, что неудачи наших реформ продиктованы исключительно нашим генетическим качеством отсутствия недоговороспособности. Я даже придумал такой афоризм, что мы все хотим спасти Россию. Но если ты ее хочешь спасать не так, как я хочу, то фиг с ней, с Россией. И это ужасно. Потому что, смотрите, в

каждом предложении есть своя правота. Мы же не популисты здесь, которые могут предлагать какие-то простые решения для сложной проблемы. Очень сложной проблемы, просто архисложной.

Поэтому здесь нужно внимательно слушать друг друга и что-то соглашаться. Чувствовать относительность собственной правоты, а не с пеной у рта доказывать, что только так, как я говорю. И я думаю, что это исключительная наша генетическая особенность, с которой надо как-то бороться. Но я скажу вам, что я доволен нашим сегодняшним обсуждением, хотя, может быть, слишком много было профессионалов. Может быть, нужно было в два раза меньше. Но я не думал, что все так согласятся выступить на этой конференции.

Я благодарю вас за терпение, за мужество и за внимание к тому, о чем мы здесь разговаривали. Иногда это было сумбурно, но мне это было очень поучительно, не знаю, как вам. Спасибо вам большое, мы продолжаем наш форум.

[02:13:02] [Конец записи]